

Эва Ричи

Торящие
дедлайны

50 оттенков офисного разврата

18+

50 оттенков офисного разврата

Эва Ричи

Горячие дедлайны

«Автор»

2026

Ричи Э.

Горячие дедлайны / Э. Ричи — «Автор», 2026 — (50 оттенков офисного разврата)

В тридцатиэтажной башне элитного холдинга «Мириум Групп» жизнь не затихает даже ночью. Днем здесь крутятся миллиарды, а сотрудники в безупречных костюмах играют в холодный профессионализм. Но стоит стрелкам часов перешагнуть за полночь, как строгий офисный этикет трещит по швам, уступая место выжигающей изнутри страсти. Успешные продажники, воюющие за кресло начальника прямо на рабочем столе. Властный директор, наказывающий строптивую девушку-юриста в запертом кабинете. Дерзкая сисадминка, взламывающая защиту ледяного питерского аудитора в полумраке серверной. У каждого дедлайна здесь своя цена — сорванные пуговицы, рваные стоны и следы ногтей на мужских спинах. Они думают, что их тайны надежно скрыты. Но у этого офиса есть уши, глаза и швабра. Пожилая уборщица баба Валя и дежурный охранник Михалыч у экранов мониторов с наслаждением перебивают косточки топ-менеджерам, точно зная, чья помада осталась на воротнике шефа и почему стол за полмиллиона рублей внезапно пошел ходуном.

© Ричи Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Примечание от автора	5
Глава 1. Дедлайн для двоих	6
Глава 2. В объективе камер	13

Эва Ричи

Горячие дедлайны

Примечание от автора

**Внимание! Книга содержит сцены 18+ и высокий градус офисного накала.
Юридическая оговорка (Disclaimer):**

Все персонажи, названия компаний, включая холдинг «Мириум Групп», и описанные события являются абсолютным вымыслом автора. Любые совпадения с реальными топ-менеджерами, юристами, сисадминами или элитными агентствами недвижимости столичного Сити – случайны.

Автор убедительно просит не использовать данное художественное произведение в качестве официального пособия по трудовому праву, тимбилдингу, продвижению по карьерной лестнице или сдаче годовой отчетности. Попытки повторить описанные в тексте действия на рабочих столах стоимостью от полумиллиона рублей могут повлечь за собой порчу казенного имущества холдинга, строгий выговор от Валентины Петровны, а также лишение премии в одностороннем порядке. Ни одна швабра и ни один сервер в процессе написания книги не пострадали. Приятного чтения!

Глава 1. Дедлайн для двоих

В полночь тридцатизэтажная башня из стекла и бетона в самом сердце делового Сити казалась вымершим стеклянным ульем. Огромные панорамные окна отражали холодный свет редких уличных фонарей и далекую россыпь городских огней. Почти все этажи агентства элитной недвижимости «Мириум Групп» были погружены во тьму.

Все, кроме двадцать четвертого.

Баба Валя, грузная женщина шестидесяти лет с удивительно цепким взглядом и неизменной синей шваброй наперевес, неторопливо катила по глянцевому керамограниту бесшумную пластиковую тележку. В воздухе пустого коридора не было привычных для госучреждений дешевых лимонных или хлорных запахов – центральная система климат-контроля башни премиум-класса «А+» тонко, едва уловимо ароматизировала пространство дорогими нотами селективного сандала и белого чая. Но бабе Вале этот пафос был до лампочки. Дойдя до конца длинного коридора, она толкнула массивную дверь с табличкой «Пост охраны №3» и заглянула внутрь.

Михалыч, мужчина тех же лет, одетый в форменную синюю рубашку с легкими следами от крепкого чая на кармане, сидел перед огромной стеной из шестнадцати жидкокристаллических мониторов. На экранах в режиме реального времени транслировалась безмолвная жизнь опустевшего холдинга. Михалыч лениво крутил в зубах деревянную зубочистку и вяло разгадывал кроссворд в засаленной газете.

– Ну что, Михалыч, чаек-то еще горячий? – баба Валя без лишних церемоний зашла в каптерку и опустилась на свободный стул, блаженно вытягивая уставшие ноги.

Охранник молча потянулся к электрическому чайнику, который тут же заурчал, пуская струйку пара.

– Горячий, Валюха. Тебе с бергамотом или как обычно – купеческий, чтоб ложка стояла?

– Давай какой есть, – отмахнулась она, устремляя взгляд на мониторы. – Я вот мимо аналитического и продажников шла... Гляжу, на двадцать четвертом опять иллюминация. Свет горит, аж из-под двери полыхает. Эти двое, Воронов и Кириллова, неужто до утра сидеть собрались? Завтра же, кажись, генеральный решает, кого из них на место покойного Савельева посадит? Главным над всеми продажами «Мириума»?

Михалыч усмехнулся, вытащил зубочистку и хитрым жестом указал на четвертый монитор сверху, где крупным планом отображался центральный опенспейс отдела продаж элитного жилья.

– Сидят, Валя. Куда ж они денутся. С восьми утра тут топчутся. Я по камерам гляжу – они за эти шестнадцать часов друг на друга разве что не бросались. Кириллова-то наша, ишь, как строчит за компом, аж искры из-под ногтей. А Воронов вокруг нее коршуном ходит. Того и гляди, бумаги их погорят от такой искры.

– Ой, погорят, Михалыч, чувствует мое сердце, не о бизнесе они там думают, – баба Валя сделала громкий, протяжный глоток из надщербленной кружки. – Прошлую неделю я у Дениса Анатольевича в кабинете пыль протирала. Так эта пигалица, Кристина, зашла к нему – документы, вишь, на подпись принесла. Дверь прикрыла, а я-то в приемной стою, слышу всё. Как они сцепились! Проценты какие-то не поделили, клиентов по пентхаусам в «Сити-Тауэр». Она ему в лицо шипит, как кошка приبلудная, а он на нее сверху вниз смотрит, аж кулаки сводит. Но глаза-то, Валя, глаза у обоих бешеные. Там не ненависть, Михалыч. Там такое, что, если спичку поднести – весь наш «Мириум Групп» к чертям взлетит.

Михалыч прищурился, поправил очки на переносице и впился глазами в экран, где Кристина Кириллова как раз резко поднялась со своего эргономичного кресла, что-то эмоционально доказывая Денису Воронову.

– Ладно, Валюха, пей чай да помалкивай. Давай-ка камеру поближе сделаем... Чисто ради безопасности, мало ли что. Вдруг имущество казенное попортят.

В самом опенспейсе воздух был настолько плотным, что его, казалось, можно было резать канцелярским ножом. Пахло остывшим горьким эспрессо из дорогой кофемашины, распечатанной глянцевой бумагой и чистой, концентрированной злостью.

Горели только две спаренные дизайнерские лампы над столами Кристины и Дениса. Остальное пространство отдела тонуло в глубоких, зловещих тенях. На кону стояла должность директора по продажам всей коммерческой и жилой недвижимости премиум-класса. Завтра в десять утра совет директоров и генеральный лично будут оценивать их финальные презентации по новому закрытому клубному дому на Остоженке. Кто закроет больше броней за эту ночь, кто представит лучшую стратегию – тот получает контракт, международные командировки, огромный процент и безграничную власть в компании. Второй останется никем, подчиненным своего злейшего врага.

Кристина Кириллова потеряла виски. На ее точеном носу сидели модные антикомпьютерные очки в тонкой золотистой оправе с легким желтоватым напылением на линзах. Они придавали ее лицу строгость и какую-то хищную интеллигентность. Белоснежная шелковая блузка от Ральфа Лорена, обычно идеально отглаженная, сейчас слегка помялась на рукавах, которые Кристина нетерпеливо закатала до локтей. Верхняя пуговица была расстегнута, открывая вид на изящные ключицы и соблазнительную ложбинку – природа не обделила Кристину, наградив ее роскошной, упругой грудью третьего размера, которую она обычно тщательно скрывала под строгими жакетами. Но сейчас жакет висел на спинке стула. Было плевать.

«Выскачка. Наглый, самоуверенный индюк», – крутилось в ее голове, пока пальцы яростно вбивали данные по корейским инвесторам в экселевскую таблицу.

Она видела боковым зрением, как Денис Воронов – высокий, широкоплечий, с короткой темной щетиной на волевом подбородке – медленно мерил шагами расстояние от своего стола до панорамного окна. Денис снял пиджак еще три часа назад. Его дорогая темно-синяя рубашка плотно облегла мускулистую спину и мощные плечи. Рукава были небрежно подвернуты, обнажая массивные швейцарские часы и сильные предплечья. Каждый раз, когда Кристина смотрела на его руки, внутри нее просыпалось странное, пугающее чувство. Ей хотелось, чтобы эти руки сломали ее клавиатуру. Или ее саму.

В памяти Кристины вспыхнуло вчерашнее утреннее совещание у генерального. Битва за пентхаус в «Сити-Тауэр». Денис тогда бесцеремонно перебил ее прямо посреди доклада, перехватив инициативу и забрав себе самого жирного клиента месяца. Его уверенный, бархатный голос буквально гипнотизировал совет директоров, пока Кристина задыхалась от ярости, чувствуя, как под его пристальным, раздевающим взглядом у нее предательски горят щеки. Он победил тогда на глазах у всех, и эта публичная пощечина до сих пор жгла ее изнутри.

Денис замер у окна. Его отражение в стекле на секунду показалось Кристине дьявольски красивым. Он медленно повернулся, его желваки на брутальном лице перекатились от сдерживаемого раздражения. Он смотрел на Кристину, но думал совсем не о графиках.

Его взгляд буравил тонкий шелк ее блузки, которая при каждом глубоком вздохе Кристины натягивалась на ее округлой, наливной груди. Денис цинично ловил себя на фривольной мысли о том, как этот строгий серо-белый офисный образ сейчас треснет по швам. Ему до безумия хотелось сорвать с нее эти чертовы очки, расстегнуть оставшиеся пуговицы и проверить, насколько громко эта холодная, неприступная отличница умеет кричать, когда теряет контроль. Ее вечные придирки к его отчетам злили его, но эта злость давно мутировала в дикое, животное желание подмять ее под себя прямо на рабочем месте.

Он сделал несколько неторопливых, хищных шагов к ее столу. От него пахло дорогим табаком, парфюмом с нотами кожи и чистым мужским превосходством.

– Твоя стратегия по пентхаусам – полная чушь, Воронов, – ледяным тоном произнесла Кристина, не снимая очков и не отрывая взгляда от монитора. – Азиатский рынок не пойдет на эти условия. Они требуют дисконт в четыре процента. Если ты заложишь это в презентацию, шеф вышвырнет тебя из кабинета через две минуты.

– Чушь, говоришь, Кириллова? – его голос, низкий, с легкой хрипотцой от выпитого за день кофе, прозвучал в пустом зале пугающе близко. – Чушь – это твоя попытка усидеть на двух стульях. Ты ведешь переговоры с корейцами так, словно продаешь им однушку в Бирюлево, а не три тысячи квадратных метров золотой земли. Ты боишься рисковать. Ты всегда была слишком правильной, Кристиночка. Правильный костюм, правильные очки, правильные отчеты. Но в нашей сфере побеждает тот, у кого яйца крепче. У тебя их нет.

Кристина резко вскинула голову. Ее глаза за желтоватыми линзами очков вспыхнули опасным блеском. Она почувствовала, как к щекам прилила горячая кровь, а дыхание перехватило.

– Зато у меня есть мозги, Денис! – она почти выплюнула его имя, поднимаясь со стула и оказываясь с ним лицом к лицу. Разница в росте заставила ее закинуть голову назад, но она не отступила ни на сантиметр. Под шелком блузки ее грудь тяжело и часто вздымалась, привлекая его потемневший взгляд. – Я принесла компании на тридцать процентов больше чистой прибыли за этот квартал, пока ты развлекал клиентов из списка Форбс по закрытым ресторанам!

– Я закрывал сделки, пока ты перебирала бумажки, – Денис сделал еще шаг, сокращения дистанцию между ними до минимума. Теперь она чувствовала жар, исходящий от его тела. Его взгляд переместился с ее глаз на расстегнутый воротничок блузки, где натягивалась дорогая ткань. – И знаешь что? Мне надоел твой высокомерный тон. Весь этот год ты смотришь на меня так, словно я грязь под твоими дизайнерскими туфлями.

– Потому что ты и есть выскочка, который берет исключительно наглостью! – выпалила она, чувствуя, как внутри все дрожит от непонятного, удушающего возбуждения. Страх, ярость и дикое, первобытное желание смешались в один гремучий коктейль. Полгода скрываемых взглядов, случайных прикосновений у кофемашины, ночных мыслей в пустой постели – все это сейчас рвалось наружу.

– Наглостью? – Денис опасно прищурился, его рука легла на край ее стола, перекрывая ей путь к отступлению. – Ну так давай я покажу тебе, что такое настоящая наглость.

Денис не стал больше слушать. Он сделал то, что мечтал сделать с самого первого дня ее появления в «Мириум Групп». Он протянул руку и резко схватил её за затылок, безжалостно запуская пальцы в безупречный, туго собранный хвост темных волос. Несколько шпилек со звоном разлетелись по лакированному дубу стола, и тяжелые шелковистые пряди рассыпались по её плечам. Денис с силой притянул Кристину к себе.

Её возмущенный, сдавленный вскрик мгновенно потонул в его губах.

Это не было началом нежной романтической истории – это было продолжение их годовой войны, жесткого, выматывающего соперничества за власть, где пленных не брали. Денис целовал её яростно, по-хозяйски, глубоко сминая её губы и требуя абсолютного, безоговорочного подчинения. Его язык с ходу ворвался в её рот, ломая любое сопротивление. На секунду Кристина замерла от шока, её ладони уперлись в его жесткую, тяжело вздымающуюся грудь, пытаясь оттолкнуть, но тело выдало её с потрохами. Отчаянно маскируемое притяжение, которое они оба подавляли месяцами, рвануло наружу, как детонатор.

С глухим, надрывным стоном Кристина ответила на поцелуй с той же первобытной агрессией. Она подалась вперед, впиваясь ногтями в воротник его темно-синей рубашки. Ткань жалобно затрещала. С тихим, хлестким шелчком отлетели две верхние пуговицы от Ральфа Лорена и покатались куда-то под стол. Кристина кусала его губы почти до солоноватого вкуса

крови, выплескивая всю скопившуюся ярость, а Денис лишь хрипло рычал ей в ответ, теряя последние крохи контроля.

Эргономичное офисное кресло на колесиках, в которое Кристина попыталась было упереться спиной, с шумом отъехало далеко в темноту опенспейса. Денис перехватил её за талию, его огромные, горячие ладони бесцеремонно смяли прохладный шёлк блузки на её пояснице, прижимая девушку к краю массивного рабочего стола.

Она тяжело, судорожно дышала. Модные очки съехали набок, но Кристина даже не подумала их поправить. Желтоватые линзы отражали тусклый, мертвенный свет единственного работающего монитора, на котором всё ещё висели несчастные экселевские графики. Денис действовал напролом. Одним яростным движением свободной руки он смахнул со стола стопку распечатанных отчетов и тяжелый ноутбук – дорогая техника с глухим стуком захлопнулась и отлетела на ковролин, а маркетинговые ведомости веером разлетелись по полу.

Он подхватил её под бедра и одним мощным рывком усадил на освободившийся край. Холод дубовой поверхности мгновенно контрастировал с обжигающим, почти лихорадочным теплом её кожи. Кристина судорожно развела ноги, намертво обвивая его талию, чувствуя, как жесткая ткань его брюк давит на её бедра.

– Ты сумасшедший, Воронов... – прохрипела она, когда он на секунду оторвался от её губ.

Денис не ответил. Его горячее, рваное дыхание обжигало её влажную кожу, когда он спустился губами к её шее. Он впивался в неё жесткими, оставляющими темные следы поцелуями, зная, что завтра ей придется застегивать воротник под самый подбородок, чтобы скрыть эти улики. Кристина выгибалась в спине, шумно ловя воздух ртом, пока его зубы осторожно, но ощутимо прикусывали нежную кожу у основания её уха.

Её пальцы судорожно метались по его плечам, пока Денис обеими руками не схватился за ворот её блузки. Раздался резкий треск – оставшиеся пуговицы посыпались на пол, как бусины. Белый шёлк разошелся в стороны, полностью обнажая то, что Денис так жаждал увидеть весь этот бесконечный день.

Кружевная чашечка дорогого тонкого бюстгальтера едва сдерживала её роскошную, наливную грудь. От частого, прерывистого дыхания Кристины её грудь высоко вздымалась, а нежная кожа покрылась едва заметными мурашками – не от холода, а от запредельного, удушьяющего вожделения. Ладони Дениса, большие, мозолистые и контрастно темные на фоне её белизны, накрыли эту мягкость. Он с силой сжал её грудь через тонкую ткань кружева, и Кристина издала громкий, вибрирующий стон, который эхом разлетелся по пустому, погруженному в полумрак двадцать четвертому этажу. По телу Кристины прошла крупная, неудержимая дрожь, а соски предательски и остро затвердели под его пальцами, выдавая её полную, сокрушительную капитуляцию перед этой внезапной ночью.

Денис больше не сдерживал себя, его движения стали резкими, лишенными даже намека на деловую холодность. Ладони скользнули вниз по ее талии, проминая податливую плоть, и с силой рванули подол строгой юбки-карандаша вверх, до самого пояса. Плотная шерстяная ткань с глухим треском поддалась, открывая взгляду натянутые черные кружевные подвязки и обжигающе горячую, шелковистую кожу ее бедер. Кристина шумно, со свистом втянула воздух, когда его пальцы очертили внутреннюю сторону ее ног, поднимаясь к самому центру ее пульсирующего желания.

Контраст между ледяным воздухом кондиционированного офиса, обдувавшим ее полуобнаженное тело, и невыносимым, лихорадочным жаром, который исходил от Дениса, сводил с ума.

– Быстрее, Денис... черт тебя дерь, быстрее, – прохрипела она, полностью теряя остатки своей хваленной аналитической выдержки. Строгая карьеристка и отличница в ней окончательно сгорела, уступив место голодной, истосковавшейся по этому мужчине женщине.

Она сама потянулась к его брюкам, судорожно расстегивая тяжелую металлическую пряжку кожаного ремня, которая с громким щелчком ударилась о край стола. Кристина помогла ему избавиться от лишней одежды с какой-то яростной поспешностью, ее ногти то и дело задевали его кожу, заставляя Дениса прерывисто дышать сквозь плотно сжатые зубы. Очки Кристины наконец со звоном слетели с края стола, но мир без них стал только ярче, сузившись до размеров этого дубового плацдарма.

Денис рванул тонкую полоску шелкового белья вниз, окончательно освобождая их обоих от последних условностей. Он зафиксировал ее массивные, податливые бедра своими сильными руками, приподнимая Кристину над столом, и заставил посмотреть себе прямо в глаза – потемневшие от вожделения, с расширенными до предела зрачками.

– Смотри на меня, Кириллова, – приказал он низким, вибрирующим голосом, от которого у нее внутри все сжалось в сладком предвкушении. – Смотри, кто берет твою Остоженку.

Одним мощным, резким и бескомпромиссным движением он вошел в нее на всю глубину.

Кристина вскрикнула – дико, громко, этот звук заполнил собой весь пустой этаж холдинга, отражаясь от панорамных стекол. От неожиданной, заполняющей изнутри остроты она резко подалась вперед, инстинктивно впиваясь зубами в его крепкое, пахнущее дорогим парфюмом плечо. Ее пальцы судорожно взлетели к его спине. Острые ногти Кристины глубоко вонзились в плотную ткань темно-синей рубашки, пробивая ее насквозь, и с силой прочертили длинные, рваные полосы по его мускулистой спине, оставляя багровые царапины.

Денис лишь хрипло зарычал от этой вспышки боли. Она подействовала на него как чистый, концентрированный стимулятор, окончательно срывая все предохранители. Он поймал сумасшедший, рваный ритм, двигаясь внутри нее жестко и глубоко, не оставляя времени на вдохи. Тяжелый дубовый стол жалобно и ритмично скрипел при каждом его толчке, оставшиеся на самом краю канцелярские принадлежности шуршали и одна за другой летели на ковролин.

Кристина полностью подчинилась этому безумному темпу, выгибаясь на дубовой поверхности. Ее длинные темные волосы разметались по столу, путаясь в проводах от стационарного телефона. Каждое его движение отзывалось внутри нее взрывом сверхновой, лишая воли. Она царапала его спину снова и снова, оставляя следы своего присутствия, своей капитуляции и своего триумфа одновременно. Ее стоны стали бессвязными, рваными, срывающимися на шепот:

– Да... еще... Денис, господи, сильнее...

Это была кульминация их годовой войны за лидерство. Они выплескивали всю накопленную ненависть, невыносимое притяжение и стресс многочасовых дедлайнов в эту дикую, первобытную близость на глазах у невидимых камер отеля. Денис ускорился до предела, его мышцы напряглись как стальные канаты, лицо исказила гримаса сладкой муки. Он чувствовал, как внутри нее все сжимается в судорожном, неистовом экстазе, увлекая его за собой.

Кристина задрожала, ее ноги сильнее сжали его талию, подтягивая к себе, и с последним, надрывным криком она сорвалась в бездну оглушительного оргазма. Секундой позже Денис, уткнувшись лицом в ее влажную от пота шею, глухо, протяжно застонал, отдавая ей все свои силы и страсть до самой последней капли, пока мир вокруг них окончательно не растворился в предраассветной темноте.

В два часа ночи в технический коридор двадцать четвертого этажа мягко, едва слышно заехал пластиковый клининговый контейнер. Баба Валя, неторопливо насвистывая под нос какой-то незамысловатый мотивчик, вошла в опенспейс.

Вокруг царила идеальная, почти звенящая тишина. Огромные панорамные окна всё так же отражали огни ночного Сити, а кондиционер продолжал мерно разгонять по залу дорогой

аромат сандала и белого чая. Правда, теперь к нему примешивался едва уловимый, острый запах чужой растреванной страсти.

За своими спаренными столами сидели Денис Воронов и Кристина Кириллова. Между ними снова было расстояние в два метра. Денис, одетый в свежую, абсолютно идентичную белую рубашку из своего шкафа (правда, застегнутую до самого верха, намертво скрывая шею), сосредоточенно и подчеркнуто громко щелкал мышкой. Кристина, с безупречно собранными заново в пучок волосами, в строгом сером жакете, накинутом поверх наглухо застегнутой блузки, сидела в своих антикомпьютерных очках и монотонно читала цифры с экрана. Рядом с ней стоял свежий стаканчик с водой. Они общались подчеркнуто официально, словно предыдущих двух часов безумия просто не существовало в природе.

– Денис Анатольевич, посмотрите таблицу по дисконтам для корейцев, я внесла корректировки, – ровным, деловым голосом произнесла Кристина, поправляя дужку очков. Но ее пальцы, держащие ручку, едва заметно подрагивали.

– Спасибо, Кристина Игоревна. Весьма профессионально. Думаю, шеф будет доволен, – так же сухо ответил Денис. Его плечи заметно напряглись, а по спине прошла волна жара, когда Кристина едва ощутимо пошевелилась в кресле, сдерживая легкий вздох от ноющей сладости в теле.

Баба Валя понимающе хмыкнула, проходя со шваброй мимо их столов. Она наклонилась и ловким, отработанным движением подняла с ковролина маленькую блестящую шпильку для волос. Чуть дальше, прямо у ножки стола Дениса, под щетку попались две оторванные пуговицы.

Женщина аккуратно смахнула улики в контейнер, подняла глаза на Дениса и с доброй, но невыносимо хитрой усмешкой произнесла:

– Доброй ночи, Денис Анатольевич, Кристина Игоревна. Смотрю, трудитесь, соколики? Ох, тяжелая это доля – недвижимостъ элитная. Главное, спину берегите, Денис Анатольевич. А то у нас кондиционеры ночью так дуют, так дуют... прямо до крови спину напечь может, аки кошка породистая подрала.

Денис на секунду замер. Рука с мышкой дрогнула, а по брутальной щеке пополз густой, выдающий его с потрохами румянец. Он судорожно кашлянул в кулак, изо всех сил стараясь не выдать панику: слухи в «Мириуме» перед утренним совещанием могли стоить ему карьеры.

– Спасибо, Валентина Петровна. Мы... учтем. Кондиционер действительно... мощный.

Кристина в этот момент судорожно вцепилась пальцами в край стола, молясь, чтобы баба Валя не заметила, как у нее пылают уши и шея. Она поспешно уткнулась в экран, пряча испуганные и смущенные глаза за желтоватыми стеклами очков, и сделала вид, что полностью поглощена графиками.

Валентина Петровна покатила свою тележку дальше к выходу, тихонько посмеиваясь в кулак.

Через десять минут она снова сидела в каптерке охраны, где Михалыч как раз лениво допивал свой купеческий чай, не сводя глаз с четвертого монитора.

– Ну что там, Валюха? Навела марафет у бизнесменов? – Михалыч хмыкнул, крутя в зубах неизменную зубочистку. – Я вот гляжу на них – сидят как ни в чем не бывало. Святые люди, артисты погорелого театра! Если бы я своими глазами на экране не видел, как этот дубовый стол за полмиллиона рублей ходуном ходил, сам бы поверил, что они там корейские дисконты считали.

– Ой, не говори, Михалыч, – баба Валя махнула рукой и с наслаждением опустила на стул. – Сидят, аж дышать боятся, смурные оба, красные как раки! Боятся, сердешные, что развоню на весь офис. Молодежь, одно слово. Гонору-то днем – у каждого по три диплома, а как прижмет в темноте – так сразу за шкуры друг друга нещадно дерут. Я у Дениса две

пуговицы с мясом вымела, а Кристинка-то, ишь, шпильки растеряла, а теперь сидит, из себя графиню строит.

– Да ладно тебе ворчать, Валя, – Михалыч добродушно улыбнулся в усы и нажал кнопку на панели, отправляя последние два часа записи с камеры двадцать четвертого этажа в безвозвратное удаление. – Дело молодое, горячее. Зато дедлайн, считай, закрыли. Помяни мое слово – завтра на совещании они этот клубный дом на Остоженке продадут так, что инвесторы плакать от счастья будут.

– Твоя правда, Михалыч, – согласилась баба Валя, придвигая к себе кружку. – От такой-то стратегии у кого хочешь брони закроются. Наливай давай еще чайку, а то мне еще в серверной на тринадцатом пыль протирать... К слову о серверах, ты туда днем заглядывал? Что-то сисадминочка наша там больно часто с новым замом запирается...

Глава 2. В объективе камер

На часах всего без четверти десять вечера, а тридцатиэтажная башня из стекла и бетона в самом сердце делового Сити казалась вымершим стеклянным ульем. Огромные панорамные окна отражали холодный свет редких уличных фонарей и далекую россыпь городских огней. Почти все этажи агентства элитной недвижимости «Мириум Групп» были погружены во тьму.

Все, кроме тридцатого – самого верхнего, где располагалось крыло генерального директора.

На двадцать четвертом этаже, в каморке поста охраны №3, Михалыч лениво протирал мягкой тряпочкой из микрофибры линзы своих старых очков. На стене из мониторов по-прежнему беззвучно мигала жизнь холдинга. Баба Валя, блаженно вытянув ноги на свободном стуле, неторопливо помешивала ложкой сахар в кружке с крепким чаем. Центральная система климат-контроля тонко, едва уловимо ароматизировала пространство дорогими нотами элитного сандала и белого чая, но бабе Вале этот пафос был до лампочки. Она любила, чтобы чай пах чаем, а сплетни – порохом.

– Слышь, Валюха, – Михалыч водрузил очки обратно на переносицу и хитрым жестом указал на девятый монитор, транслировавший лифтовой холл тридцатого этажа. – Помяни мое слово, сейчас начнется. Гляди, птичка прилетела на ковер.

Баба Валя прищурилась, глядя на экран. Двери VIP-лифта бесшумно разошлись, и из кабины вышла Маргарита. Строгий темно-серый костюм-двойка с юбкой чуть ниже колена, безупречно гладкая укладка – темные волосы собраны в низкий аккуратный узел, в руках – папка из дорогой крокодиловой кожи. В свои двадцать пять лет Марго, конечно, не руководила всем юридическим департаментом «Мириума» – это было бы сказкой, – но она уже прочно заняла позицию ведущего юриста по сопровождению сделок с иностранными инвесторами. Умная, въедливая, с ледяным характером и ангельским лицом, она не прощала ошибок ни себе, ни другим. До этого дня.

– Ох, Маргоша... – вздохнула баба Валя, качнув головой. – Неужто Артур Борисович её из-за того корейского контракта вызвал? Днем-то в юридическом такой ор стоял, когда выяснилось, что в финальной редакции договора пункт о подсудности лондонскому арбитражу пропустили. Земля-то на Остоженке золотая, миллиарды на кону! Наш шеф ошибок не прощает, будь ты хоть трижды отличница с красным дипломом.

– Вызвал, Валя, еще как вызвал, – Михалыч переключил соседний экран на камеру, установленную в приемной генерального. На мониторе было отчетливо видно, как Маргарита уверенным, хотя и слегка натянутым шагом прошла мимо пустующего стола секретаря и остановилась перед массивной дубовой дверью кабинета Артура Борисовича. Она на секунду замерла, глубоко вздохнула и решительно постучала. Дверь открылась, впусив девушку внутри, и плотно захлопнулась.

– А помнишь, Михалыч, как она года два назад к нам пришла? – баба Валя сделала громкий глоток из кружки. – Совсем девчонка, коленки дрожали, а взгляд гордый. Старый-то начальник юротдела, покойный Савельев, её сожрать хотел. Наваливал на неё всю самую грязную работу, черновики договоров по ночам заставлял переписывать. А она ничего, зубы сцепит и пашет. И вот как-то Артур Борисович зашел к ним внезапно на аудит, взял её отчет, почитал... И всё. На следующий день Савельев только локти кусал: шеф лично перевел Марго в подчинение к своему заму, а потом и вовсе под свой контроль забрал.

– Помню, Валя, я ж не слепой, – Михалыч лениво крутил в зубах зубочистку, откидываясь на спинку кресла. – Я по камерам-то два года за ними наблюдаю. На любой общей летучке, как Артур Борисович говорить начинает, все сидят – головы вжали, боятся слово поперек сказать. А Маргоша наша – нет. Встанет, очки свои поправит и начинает ему пункты законов чеканить.

И ведь шеф-то, Саныч наш, мужик жесткий, доминант, баб вокруг него всегда пруд пруди был... а на неё смотрит и молчит. Желваки на брутальной щетине так и ходят. Там такая искра между ними весь год летала, Валя, что я удивляюсь, как у нас проводка на тридцатом этаже не перегорела.

– Да какая там проводка, Михалыч! – баба Валя заговорщически наклонилась вперед. — Я ж на прошлой неделе у него в кабинете перед закрытием убиралась. Заходит Марго, документы на подпись принесла. Ладно бы просто положила, так они ведь зацепились языками из-за какого-то пустяка. Шеф из-за стола поднялся, подошел к ней вплотную – ну чисто медведь над косулей. А она стоит, бледная, дышит часто-часто, аж шелковая блузка на груди ходуном ходит, а взгляд не отводит. Там не работа, Михалыч. Там такое варево зрело, что этот корейский косяк – просто повод. Ну, гляди на стекло-то.

Дверь кабинета генерального была сделана из массива, но имела вертикальные вставки из дорогого, толстого матового стекла. Через них не было видно деталей, но свет из кабинета проникал в темную приемную.

– Ну и что там со стеклом-то? – буркнула баба Валя.

– А то, что свет там горит яркий, рабочий. Пройдет час-другой, и мы по теням поймем, насколько сильно Артур Борисович её песочит. А главное, Валюха... – Михалыч хитро подмигнул и протянул руку к пульту, переводя тумблер аудиоконтроля приемной на максимум. – Система безопасности на тридцатом чуткая. Микрофон в приемной у двери настроен так, чтобы любой шорох ловить на случай ночного взлома. Дверь у шефа хоть и дубовая, с шумоизоляцией, но если там внутри начнут на повышенных тонах разговаривать – мы всё услышим. Чисто для порядка, Валя. Вдруг шефу валидол понадобится, а я тут как тут?

Баба Валя только хмыкнула, поудобнее перехватывая кружку, но взгляд от монитора приемной уже не отвела. На матовом стекле двери тридцатого этажа четко обрисовались два неподвижных силуэта. Война началась.

В огромном кабинете генерального директора «Мириум Групп» царила гнетущая, осязаемая атмосфера дорогого минимализма: массивная мебель из редкого мореного дуба, глубокие кожаные диваны цвета горького шоколада и панорамное остекление от пола до потолка, за которым жила своей неоновой жизнью полуночная Москва-река. Артур Борисович, тридцативосьмилетний основатель и бессменный руководитель холдинга, стоял спиной к двери, заложив руки в карманы идеальных брюк от итальянского костюма-тройки. Его пиджак был расстегнут, открывая вид на плотно облегающий шелковый жилет, который подчеркивал жесткую, подтянутую фигуру и широкие плечи мужчины, регулярно посещавшего закрытый бойцовский клуб.

Услышав сухой щелчок закрывшейся двери, он не повернулся сразу. Этот психологический прием всегда безотказно действовал на провинившихся топ-менеджеров, заставляя их потеть от неопределенности и мысленно перебирать свои косяки. Но Маргарита Ковалевская была вылеплена из другого теста. Она не стала переминаясь с ноги на ногу у порога. Уверенным, четким шагом она подошла к его монументальному столу, аккуратно положила на лакированную поверхность тяжелую папку из крокодиловой кожи и застыла, безупречно выпрямив спину.

– Садитесь, Маргарита Игоревна, – не оборачиваясь, обронил Артур Борисович. Его голос – глубокий, низкий, с холодными металлическими нотками – заставил кожу Марго покрыться едва заметными мурашками, хотя кондиционер в кабинете работал в стандартном режиме.

– Я постою, Артур Борисович. Предсмертное желание ведь выполняют стоя? – в ее тоне проскользнула дерзкая, защитная ирония, которая всегда служила ей щитом.

Марго волновалась так, что внутри всё буквально ходило ходуном, а сердце глухими ударами отсчитывало секунды. На кону стояла её безупречная репутация, которую она по крупицам собирала в этих стенах последние три года, выдерживая шестнадцатичасовые рабочие смены и косые взгляды завистников. Чтобы хоть как-то унять внутреннюю дрожь, она инстинктивно сжала в пальцах дорогую перьевую ручку и едва заметно покачала правой туфлей на тонкой шпильке. Этот неосознанный жест слегка приподнял подол ее юбки-миди, на секунду обнажив в разрезе изящную ножку в шелковом итальянском чулке.

Артур Борисович медленно повернулся. Его жесткое, волевое лицо с четко очерченными скулами и хищным разрезом темных глаз было абсолютно непроницаемым. Он проигнорировал ее колкость, неторопливо подошел к столу и опустился в свое кожаное кресло. Мужчина откинулся на спинку и снизу вверх посмотрел на строптивую подчиненную. Его взгляд, тяжелый и сканирующий, скользнул по ее лицу, задержался на искусанных губах, а затем опустился ниже – к потайной застежке шелковой блузки, которая слишком часто вздымалась от ее глубокого, рваного дыхания.

Он намеренно затягивал паузу, заставляя тишину в кабинете звенеть. Артур Борисович ловил себя на мысли, что эта ледяная, неприступная отличница-юрист с манерами королевы весь этот год доводила его до белого каления. Ее безупречный дресс-код, ее колючий, прямой взгляд на летучках, ее абсолютная автономия – под всем этим он явственно осязал скрытый, дремлющий вулкан чувственности. Ему хотелось сломать этот фасад. Хотелось довести её до предела, увидеть настоящие, живые эмоции, а не выверенные параграфы законов. И сегодня, когда она допустила эту досадную оплошность, у него наконец появился законный, неоспоримый повод.

– Вы вообще осознаете масштаб катастрофы, Маргарита Игоревна? – Артур Борисович медленно открыл папку, даже не глядя на распечатанные листы – он знал этот текст наизусть. – Ваша невнимательность могла стоить холдингу потери подсудности в миллиардной сделке по Остоженке. Ошибка в пункте двенадцать точка четыре. Пропустить лондонский арбитраж в соглашении такого уровня, заменив его на сомнительные региональные суды – это либо явная, вопиющая профнепригодность, либо... умышленный саботаж в интересах наших конкурентов.

Марго вспыхнула так, словно ее ударили по лицу. Обида, уязвленная гордость и чистая, концентрированная злость мгновенно вытеснили остатки страха. Она сделала решительный шаг вперед, с силой упираясь ладонями в край его стола и наклоняясь к нему так близко, что золотая оправа ее строгих очков едва не задела настольную лампу.

– Это не профнепригодность и тем более не саботаж, Артур Борисович! – ее голос сорвался на страстный, дрожащий от возмущения шепот. – Корейская сторона вела двойную игру. В последний момент их юристы прислали измененный промежуточный файл-протокол, где технически скрыли правку в метаданных документа. Это был форс-мажор, уловка, которую невозможно отследить стандартной юридической проверкой! Мой отдел вычитывал финальную версию трижды, сверяя каждую запятую. Да, я признаю, что это моя зона ответственности как ведущего специалиста. Я не снимаю с себя вины. Но у нас есть законные рычаги! Я готова провести эту ночь в офисе и исправить ситуацию. Мы можем аннулировать соглашение в одностороннем порядке на основании введения в заблуждение или выставить им такие штрафные санкции и неустойки, что они сами приползут подписывать наш вариант подсудности. Но обвинять меня в предательстве компании вы не имеете никакого права!

Артур Борисович медленно, монументально поднялся со своего кресла, подавляя ее своей массивной фигурой и буквально заставляя Марго отпрянуть. Оказавшись вплотную к ней, он почувствовал тонкий, едва уловимый аромат ее духов – свежий, с нотами горького цитруса и белого мускуса, смешанный с чистым, горячим запахом ее разгоряченного гневом тела. Он видел, как тяжело вздымается ее налитая грудь под тонким шелком, как гневно блестят ее

глаза, и это упрямство лишь подливало масла в огонь его собственного, тщательно контролируемого желания.

– Я имею право на всё в этих стенах, Маргарита Игоревна, – тихо, но с такой пугающей, вибрирующей силой произнес он, что Марго инстинктивно сглотнула. Мужчина медленно обошел стол, отрезая ей путь к выходу и приближаясь к ней вплотную. – И меньше всего я терплю, когда мои сотрудники начинают повышать на меня голос и качать права, вместо того чтобы покорно признать вину и понести... заслуженное наказание.

Марго сделала несколько быстрых шагов назад, пытаясь сохранить хоть какую-то дистанцию, но ее лопатки уперлись в холодную, дорогую деревянную обшивку стены кабинета. Идти было больше некуда. Сердце колотилось в груди как сумасшедшее, воздуха катастрофически не хватало, а Артур Борисович остановился всего в шаге от нее, нависая грозной, непреклонной скалой. Контраст между его строгой, удушающей корпоративной властью и первобытным, животным притяжением, которое сейчас буквально искрило между ними, достиг своего критического пика.

– Наказание? – она упрямо, из последних сил вздернула подбородок, отказываясь опускать глаза под его тяжелым взглядом. – И как же вы собираетесь меня наказать, Артур Борисович? Уволите? Лишите опциона?

– Уволить тебя было бы слишком просто и глупо, Марго, – его голос упал до интимного, вибрирующего баритона, от которого у нее слабели колени. Он резко протянул руку, и его длинные, сильные пальцы жестко, как стальной капкан, перехватили ее тонкое запястье, прижимая его к стене над ее головой. – Ты отработаешь каждый цент этой ошибки. Лично мне. И прямо сейчас.

Зажатая между жесткой стальной ладонью Артура Борисовича и прохладной деревянной обшивкой стены, Марго замерла, почти перестав дышать. Вспышка его контролируемого гнева, этот бескомпромиссный захват на запястье – всё это должно было испугать её, заставить возмутиться, закричать о нарушении субординации. Но вместо этого её сознание предательским, лихорадочным рывком швырнуло назад, вглубь памяти. К событиям месячной давности, которые она так тщательно, до кровавых мозолей на душе, пыталась вытравить из головы.

Это был закрытый VIP-прием в честь юбилея одного из главных акционеров холдинга, проходивший в элитном загородном гольф-клубе под подмосковным Одинцово. Ближе к полуночи душное, наэлектризованное июльское небо разродилось сплошной стеной проливного, тропического ливня. Шумная толпа подвыпивших инвесторов и директоров спешно переместилась вглубь душного банкетного холла, под спасительный холод кондиционеров. А Марго, смертельно уставшая от фальшивых дежурных улыбок, лицемерных тостов и пустых разговоров, незаметно ускользнула на дальнюю, неосвещенную крытую террасу, чтобы просто побыть в звенящей тишине.

На ней тогда было роскошное, совершенно нетипичное для её строгого офисного стиля вечернее платье из тяжелого шелка цвета спелой вишни. Оно держалось на одной тонкой бретельке и полностью открывало её безупречную, обнаженную спину до самой поясницы.

Она стояла у самых перил, подставив лицо и шею влажному, прохладному ночному ветру, когда за спиной раздались уверенные, неторопливые шаги. Марго обернулась и застыла: к ней шел Артур Борисович. На нем не было пиджака, воротник дорогой белой рубашки был небрежно расстегнут на две пуговицы, а в руке покачивался тяжелый стакан с янтарным виски и подтаявшим куском льда. В полумраке террасы его силуэт казался огромным и пугающе хищным.

– Прохладно для такого платья, Маргарита Игоревна. Заболете – кто будет разгребать суды с налоговой? – негромко произнес он, останавливаясь рядом. Настолько близко, что она кожей уловила исходящий от него жар.

Она не успела ответить. Мужчина плавным, но абсолютно не терпящим возражений движением накинуд ей на обнаженные плечи свой тяжелый шерстяной пиджак. Ткань, еще хранившая живое, обжигающее тепло его тела, мгновенно окутала Марго, пахнув дорогим табаком, английской шерстью и селективным парфюмом с горькими нотами ветивера. От неожиданности и этого интимного жеста у Марго закружилась голова. Она сделала неосторожный шаг назад и едва не оступилась на скользком от водяной пыли деревянном настиле террасы.

Артур Борисович перехватил её. Его большая, жесткая ладонь легла прямо на её абсолютно голую, горячую спину, удерживая от падения. Всего на пару секунд. Но в эти секунды, под оглушительный, яростный шум падающей с неба воды, Марго впервые увидела его взгляд без маски строгого генерального директора. Мужчина смотрел на нее в упор – темно, тяжело, с откровенным, разрывающим голодом, от которого у нее разом перехватило дыхание. Его пальцы на её спине едва заметно, медленно скользнули вдоль позвоночника вверх, заставляя каждую клеточку её тела покрыться сумасшедшими мурашками.

– Вы слишком много на себя берете в этом холдинге, Марго, – тихо, почти интимно сказал он тогда, глядя прямо в её приоткрытые губы. Он придвинулся так близко, что его дыхание опалило её висок. – Но мне чертовски нравится, как упрямо вы держите удар.

Тогда его большой палец как бы случайно, мимоходом мазнул по её нежной, незащитной ключице, оставив за собой шлейф из чистой, концентрированной дрожи. Между ними на той террасе ничего не произошло – Артур Борисович медленно отпустил её, сделал глоток виски и вернулся к гостям, оставив Марго один на один с бешено стучащим в ушах пульсом. Но именно та ночь расколола её жизнь на «до» и «после». Весь оставшийся месяц, застегивая блузки на все пуговицы в душном офисе Сити, она ловила себя на одной и той же постыдной мысли. Она ждала. Ждала, когда это скрытое, удушающее лавой притяжение снова прорвется наружу и сгорит дотла.

И вот сейчас, в запертом ночном кабинете на тридцатом этаже, этот момент окончательно настал.

Маргарита вынырнула из глубин воспоминания так резко, словно её толкнули в ледяную воду. Реальность ночного кабинета обрушилась на неё с новой силой: тяжелое, прерывистое дыхание Артура Борисовича у самого её лица, стальной капкан его пальцев, до боли сжимающий её запястье у стены, и запредельное, удушающее тактильное напряжение, от которого внизу живота стягивался тугой, горячий узел.

Её глаза, только что подернутые туманом прошлого, сфокусировались на его темных, почти черных зрачках. Маска ледяного юриста Ковалевской окончательно дала трещину.

– Лично вам?.. – Марго повторила его слова сорвавшимся, дерзким шепотом, в котором страх пополам со злостью смешался с чистым вызовом. Она упрямо качнула головой, пытаясь высвободить руку. – Вы заигрываетесь, Артур Борисович. Это... это не имеет никакого отношения к корейскому контракту! Это превышение полномочий! Шантаж!

– Это аудит, Маргарита Игоревна, – его голос упал до опасного, вибрирующего баритона, который заставил её внутренности сладко сжаться. Мужчина шагнул еще ближе, практически вжимая её своим массивным, твердым телом в податливую деревянную обшивку стены. – Жесткий и непредвзятый аудит твоих скрытых резервов. Ты ведь весь этот месяц только и думала о том, как снова окажешься в моих руках. Скажешь, нет?

– Нет! – слишком громко, почти выкрикнула она, отворачивая голову в сторону. Но эта ложь прозвучала настолько жалко и неубедительно, что Артур Борисович лишь хищно усмехнулся.

Он медленно, с демонстративным превосходством опустил свою свободную руку к воротнику её белоснежной блузки. Маргарита затаила дыхание, чувствуя, как его горячие, слегка шероховатые пальцы обжигают нежную кожу её шеи. Эта блузка, сшитая на заказ из плот-

ного, скользящего шёлка, была застегнута наглухо, но вместо обычных пуговиц её удерживала потайная планка на миниатюрных металлических крючках.

Мужчина зацепил пальцами край ткани у самого горла и с силой, не оставляя времени на раздумья, потянул вниз и на себя.

Раздался резкий, сухой, множественный треск. Миниатюрные крючки один за другим с мясом вылетали из тонких шелковых петель, со звоном осыпаясь на дорогой паркет и лакированную поверхность стола. Плотный белый шёлк с шумом разошелся в стороны, полностью обнажая изящные, подрагивающие ключицы Марго. Но Артур Борисович не остановился на этом. Его ладонь скользнула ниже, безжалостно разрывая ткань до самой талии, и Марго судорожно всхлипнула от внезапного укола прохладного воздуха кондиционера, ожегшего её полуобнаженное тело.

Под растерзанной блузкой открылось зрелище, от которого у генерального директора «Мириума» окончательно сорвало все внутренние предохранители. Роскошная, наливная грудь третьего размера, едва сдерживаемая тончайшим, полупрозрачным кружевом черного бюстгалтера, высоко и часто вздымалась от её бешеного, панического дыхания. Нежная, фарфоровая кожа Марго покрылась крупными мурашками, а соски под прозрачной сеткой кружева предательски и остро затвердели, выдавая её истинное, лихорадочное состояние.

– Артур... – Марго впервые назвала его по имени, лишаясь последних сил для сопротивления.

Этот сдавленный, хриплый звук стал для него сигналом. Мужчина выпустил её запястье из капкана и обеими руками схватил её за лицо, жестко фиксируя пальцами её челюсть. Он впился в её приоткрытые губы глубоким, сокрушительным и яростным поцелуем, заставляя Маргариту полностью прогнуться в спине под его весом. Напор был настолько сильным, что её строгие очки в золотой оправе слетели с переносицы, со звоном покатавшись по дубовому полу, но мир без них перестал существовать.

Это была вспышка первобытной страсти, которая копилась в этом офисе слишком долго. Марго застонала прямо ему в рот – надрывно, сладко, полностью сдаваясь этой лавине. Её руки, наконец получившие свободу, взлетели вверх, пальцы судорожно вцепились в его короткие, жесткие волосы на затылке, притягивая шефа к себе еще ближе, ломая остатки офисного этикета и сжигая все мосты к отступлению.

Артур Борисович не стал переносить её на стол – он действовал гораздо жестче и бесцеремоннее. Мужчина резко развернул Маргариту лицом к стене, наваливаясь на неё сзади всем своим массивным, твердым телом и намертво прижимая её грудь к холодной деревянной обшивке.

– Артур... – её протестующий вздох оборвался, когда его рука жестко перехватила её за подбородок, заставляя закинуть голову назад.

Вместо того чтобы рвать юбку, он точным, собственническим движением нащупал потайную молнию сзади на её юбке-миди и плавно потянул её вниз. Узкая темная ткань разошлась, обнажая безупречные округлости её бедер. Артур Борисович запустил ладони под подол, пальцами очерчивая атласную гладкость кружевного пояса и поднимаясь к тонкой талии. Его пальцы безжалостно сжались на её коже, оставляя бледные следы, которые завтра превратятся в темные отметины.

Марго лихорадочно уперлась ладонями в стену перед собой, пытаясь удержать равновесие. Контраст между прохладным полированным деревом под её пальцами и обжигающим, удушающим жаром, исходящим от мужчины сзади, выжигал последние остатки её юридического самообладания.

Мужчина действовал с пугающей, выверенной поспешностью. Одной рукой удерживая её за талию, он расстегнул брючный ремень, тяжелая пряжка которого с негромким глухим стуком

ударилась о стену. В тишине ночного офиса этот звук прозвучал как выстрел, отменяющий любые правила субординации.

Он не стал снимать с неё чулки. Напротив, взгляд Артура Борисовича зацепился за безупречную вертикальную линию графитового шва, который теперь соблазнительно натянулся на её округлом бедре. Мужчина грубо, но точно сдвинул тончайший шелк белья в сторону и вошел в неё – одним мощным, резким, сокрушительным толчком без остатка.

Маргарита вскрикнула – громко, надрывно, этот звук был полон такой дикой, невыносимой сладости, что он мгновенно вылетел через массивную дубовую дверь прямо в пустую приемную. Марго судорожно выгнулась в пояснице, её пальцы впились в стыки деревянных панелей на стене. Повинуясь своей скрытой, безумной привычке терять контроль на пике страсти, она не могла дотянуться до его спины ногтями, поэтому Марго начала отчаянно и глубоко вжиматься бёдрами назад, навстречу каждому его движению, требуя еще большей, уничтожающей жесткости.

Артур Борисович лишь хрипло, по-звериному зарычал, чувствуя её неистовый ответ. Он поймал этот сумасшедший, рваный ритм, вбиваясь в неё глубоко и бескомпромиссным напором. На тридцатом этаже, прямо за дверью кабинета на матовом стекле, началась настоящая, безумная драма теней. Линия её обнаженной спины и его мощный силуэт то резко прижимались к стеклянной вставке, заставляя её вибрировать, то смещались вглубь полумрака. Высококочувствительный микрофон системы безопасности на пульте у Михалыча исправно ловил каждый шорох: сухой треск крючков, тяжелое, рваное мужское дыхание и громкие, надрывные стоны Маргариты, которая больше даже не пыталась сдерживать себя.

Он перехватил её за бедра, полностью контролируя каждый миллиметр её тела. Длинные темные волосы Марго растрепались, шелковые пряди хлестали по её обнаженным плечам в такт его сумасшедшим толчкам. Центр её удовольствия пульсировал, взрываясь миллионами искр. Она кусала собственные губы до крови, ловя ртом воздух, пока Артур не наклонился ниже, впиваясь зубами в её незащитную шею у самого основания плеча, клеймя свою подчиненную прямо во время процесса.

– Артур... господи, я больше не могу... – сорвалась она на крик, чувствуя, как внутри всё стягивается в финальный, сладострастный узел.

Её судорожный, запредельный экстаз накрыл её внезапно, заставив тело Марго мелко задрожать, а мышцы – до боли сжать его внутри себя. Чувствуя эту сокрушительную капитуляцию, Артур Борисович сделал последние несколько самых глубоких, яростных движений и с глухим, протяжным стоном отдал ей всё свое напряжение до самой последней капли. Мир вокруг них окончательно растворился в звенящей, изнуренной тишине предрассветного Сити.

Спустя двадцать минут двери VIP-лифта на тридцатом этаже бесшумно разошлись, приняли единственную пассажирку и утащили её вниз, вглубь затихающей башни. Маргарита Ковалевская стояла в зеркальной кабине, вцепившись пальцами в поручень, чтобы унять легкую дрожь в коленях. Юбка-миди была аккуратно застегнута, а растерзанную блузку наглухо скрывал плотно застегнутый серый жакет, поднятый до самого подбородка. На бледном лице снова сидели строгие очки в золотой оправе, которые она отыскала на полу. И только едва заметный укус на шее и пылающие уши выдавали то, что произошло у стены.

В камерке поста охраны №3 Михалыч сидел абсолютно неподвижно, уставившись в погасший экран аудиоконтроля. Зубочистка в его зубах замерла, а наушники системы безопасности лежали на пульте. Охранник медленно перевел взгляд на бабу Валю, которая так и застыла с поднятой к губам кружкой чая.

– Ну что, Валуха... – Михалыч наконец обрел дар речи, сглотнув сухой комок в горле. – Посмотрели тени? Послушали шорохи? Я, конечно, всякое в этом Сити видел, но, чтобы

наш юротдел так самоотверженно, до крика, защищал лондонский арбитраж... Это, мать его, высший пилотаж международного права.

Баба Валя медленно опустила кружку на стол и шумно выдохнула, качнув головой:

– Ох, Михалыч... Какое там право, прости господи. Я же говорила тебе – там порох сухой лежал весь год! Ты погляди, как эти тени на стекле ходуном ходили. Я думала, они эту матовую вставку из двери плечами выдавят наружу. А крики-то, Михалыч, слышал? Из Маргоши же вся ледышка в секунду вылетела, как он её к стене прижал. Наш Артур-то Борисович, ишь, медведь... У меня аж в каптерке, кажись, от их темпа штукатурка посыпалась.

– Да уж, – Михалыч поправил очки и дрожащими пальцами потянулся к клавиатуре пульта управления. – Камер внутри нет, слава богу, а то у меня бы инфаркт случился от таких подробностей. Но лог-файл аудиозаписи в приемной и видео с коридорной камеры за последний час я сейчас сотру от греха подальше. Чисто для конфиденциальности холдинга. Не дай бог, айтишники увидят – они ж по этим стонам и теням целое кино смонтируют.

– Сотри, Михалыч, сотри, – баба Валя поднялась со своего стула, поправляя синий халат, и уверенно взялась за черенок швабры. – Им слухи перед утренним совещанием ни к чему. Корейцы эти приедут в десять утра, а наши соколики, почитай, всю ночь не спавши. Но ничего... Маргоша теперь этот контракт зубами выгрызет. Из принципа. А шеф ей в одностороннем порядке такую премию выпишет, что на новые блузки точно хватит. Под утро, как Борисыч наш домой уедет, поднимусь на тридцатый – крючки металлические от блузки с паркета подмету, да стену полиролем протру, чтоб следов не осталось от этого «аудита». А пока пушай сидит там, дух переводит.

– Наливай перед дорогой еще чайку, Валя, – хохотнул охранник, отправляя записи в безвозвратное удаление. – Нам еще до утра сидеть. А на тринадцатом этаже в серверной, кстати, свет так и не тухнет. Сисадминочка-то наша, Лера, всё еще там ключи шифрования подбирает...

– Иду уже, Михалыч, иду, – подмигнула баба Валя, выкатывая свою бесшумную тележку в коридор. – Пойду проверю, насколько там система устойчивая к ночным дедлайнам.

– А помнишь, Валюха, как этот питерский хлыщ Ярослав две недели назад её там зажать пытался?..